

своей профессиональной обязанности, значить извратить смысл и назначение одного из тех учреждений, вызванных к жизни судебными уставами 20-го ноября 1864 года, которые в числе других составляют славу и величие минувшего царствования!

Только сознание этого долга и та благойная признательность, с какою каждый из нас, как член одной и той же судебной семьи, должен отнестись к Державной Власти за распространение ею действия общего процессуального закона на преступление, далеко выходящее из ряда обыкновенного, — только эти два чувства, повторяю я, долга и признательности должны раскрыть защитѣ уста, пѣмѣющія при одномъ воспоминаніи о страшномъ событіи 1-го марта, безпримѣрномъ в исторіи русскаго народа! Къ сожалѣнію, мы не призваны ко всесторонней оцѣнкѣ упомянутого прискорбнаго факта; глубоко возмущающаго общественную совѣсть. Подъ тяжелымъ гнетомъ того общаго намъ всѣмъ впечатлѣнія отъ котораго невозможно отрѣшиться ни на одну минуту, защитѣ предстоитъ ограничить свою дѣятельность въ болѣе скромныхъ, предначертанныхъ ей рамкахъ силою закона и обстоятельствами настоящаго дѣла, а именно заняться охраненіемъ законныхъ правъ обвиняемыхъ здѣсь на судѣ и содѣйствіемъ правосудію въ болѣе правильномъ освѣщеніи совершеннаго преступленія со всѣми его активными и пассивными участниками.

И вотъ, приступая къ исполненію этой обязанности, защита подсудимаго Михайлова считаетъ необходимымъ оговорить, что девизомъ для своихъ предстоящихъ объясненій она избрала тотъ всемірный законъ, который управляетъ судьбами всѣхъ государствъ, обществъ и отдѣльных членовъ. На основаніи приведеннаго закона всякій членъ общества предъ своею совѣстью и предъ людьми только за свои дѣйствія, если они при этомъ обнаружены, доказаны и имѣютъ прямую и не посредственную связь съ предметомъ направленного противъ него обвиненія.

Между тѣмъ, опираясь на этотъ законъ и сопоставляя между собою обвиненіе Михайлова и тѣ факты, на которыхъ оно основано, я долженъ замѣтить, соединяя глубокое уваженіе къ суду, съ такою же уваженіемъ къ правдѣ, что намѣренъ сопоставить основательность той части обвиненія моего кліента, которая приписываетъ ему, между прочимъ, участіе въ приготовительныхъ дѣйствіяхъ для совершенія извѣстнаго злодѣянія.

Обращаясь съ этою цѣлью къ обстоятельствамъ дѣла, или, выражаясь точнѣе, къ отвѣтамъ, даннымъ подсудимымъ Особому Присутствію на предложенные ему вопросы объ отношеніяхъ его къ настоящему обвиненію, слѣдуетъ прежде всего обратить вниманіе, что въ этихъ отвѣтахъ подсудимый Михайловъ обрисовался, по мнѣнію моему, челоукомъ пожелавшимъ говорить на судѣ одну только правду, безъ хитростей и безъ всякихъ опасеній за послѣдствія, заранѣе имъ предвидѣнныхъ.

3-го марта настоящаго года, въ 10½ час. утра, какъ гласитъ обвинительный актъ, въ домъ № 5 по Тельбюной улицѣ вошелъ подсудимый Михайловъ и поднимаясь по лѣстницѣ во 2-й этажъ, гдѣ находилась квартира № 5, былъ встрѣченъ дворникомъ означеннаго дома Мирономъ Сергѣевымъ, и на вопросъ сего послѣдняго, куда онъ идетъ, отвѣтилъ: въ квартиру № 12. Вслѣдствіе сего Михайловъ, показавшійся дворнику подозрительнымъ, былъ приглашенъ имъ и городовымъ, своимъ на одной изъ площадокъ лѣстницы, въ квартиру № 5, гдѣ и былъ задержанъ, а во время обыска его, выхвативъ изъ кармана револьверъ, произвелъ шесть послѣдствительныхъ одинъ за другимъ выстрѣловъ въ задержавшихъ его полицейскихъ членовъ.

Таковы прологъ обвиненія, за которымъ послѣдовало убѣжденіе слѣдственной власти о принадлежности Михайлова къ той же преступной ассоціаціи, къ которой принадлежали ранѣе уже заарестованные въ той же квартирѣ лица, и которая имѣла цѣлю посредствомъ насильственнаго переворота ниспровергнуть существующій въ Россіи государственный

и общественный строй. Однако же, добытыя розыскомъ и дознаніемъ данныя ничего не прибавили къ тому, что уже было выяснено собственнымъ сознаніемъ Михайлова относительно его личности и той роли, какую онъ игралъ въ означенномъ преступномъ сообществѣ.

Тѣмъ не менѣе прокурорская власть признала возможнымъ обвинять подсудимаго Михайлова и въ участіи въ приготовительныхъ дѣйствіяхъ для покушенія на жизнь Священной Особы въ Бозѣ почившаго Государя Императора, ссылаясь при этомъ частью на обнаруженный дознаніемъ фактъ знакомства подсудимаго со всѣми остальными обвиняемыми по дѣлу, соединенными, по словамъ прокуратуры, другъ съ другомъ общностью превратныхъ воззрѣній и преступной дѣятельности, частью же на оговоръ подсудимаго Рысакова.

Но прежде нежели мы рассмотримъ приведенныя основанія, съ цѣлю доказать виновность подсудимаго Михайлова, да позволено намъ будетъ предварительно исполнить желаніе обвиняемаго приведеніемъ краткаго его біографическаго очерка, на что онъ имѣетъ неотъемлемое право, такъ какъ, обвиняясь въ столь важномъ государственномъ преступленіи, онъ можетъ сказать своимъ обвинителямъ и судьямъ: „прослѣдите мою жизнь и подумайте, кто я“.

Крестьянинъ Смоленской губерніи, Сычевскаго уѣзда, Ивановской волости, деревни Гаврилово, Тимофей Михайловъ родился 22-го января 1859 года. До 15-ти-лѣтняго возраста, т.-е. до 1874 года, онъ занимался сельскими работами и, какъ самъ выразился, воспитывался около сохи и боронь, и такимъ образомъ трудъ пахаря былъ первымъ его школою, которая пробудила въ немъ самосознаніе и указала на полную несоответственность примѣняемаго труда съ его плодами. Обстоятельство это побудило Михайлова отправиться на заработки въ Петербургъ въ 1874 году и съ этого времени въ теченіе почти 6½ лѣтъ начинается, если можно такъ выразиться, скитаніе подсудимаго по фабрикамъ и заводамъ Петербурга и Кронштадта, работы на которыхъ привели его къ новому убѣжденію о непроизводительности личнаго труда и въ этой сферѣ дѣятельности рабочаго сословія. Онъ замѣтилъ здѣсь, что личный трудъ является предметомъ неограниченной эксплоатаціи со стороны фабрикантовъ и заводчиковъ. 19-ти лѣтъ отъ роду подсудимый сталъ учиться грамотѣ подъ руководствомъ одного изъ своихъ товарищей въ свободныя отъ тяжелаго труда минуты, незначенныя для отдыха. Наставникъ его, вмѣстѣ съ грамотою, при бесѣдахъ съ нимъ сталъ впервые преподавать ему социальныя идеи, въ примѣненіи ихъ къ рабочему сословію, и идеи эти, какъ наиболее соответствовавшія наболѣвшему въ его жизни мѣсту, въ такой степени охватили подсудимаго, что онъ вскорѣ не только сталъ членомъ социально-революціонной партіи, но даже сдѣлался апостоломъ ея среди фабричнаго населенія, и впоследствии, когда распространился слухъ, что пропаганда, такъ усиленно начата среди рабочаго населенія, обнаруживается, то онъ, по предложенію своихъ руководителей, членовъ центральной агитаціонной партіи социально-революціоннаго движенія, въ которой принадлежали между прочимъ и всѣ обвиняемые по настоящему дѣлу, принялъ участіе въ организаціи боевой рабочей дружины, представлявшей собою террористическую фракцію рабочей организаціи, имѣвшую исключительную цѣлю охраненіе рабочихъ отъ шпионовъ и нелюбимыхъ мастеровъ.

При такихъ условіяхъ и при той органической связи, какая, по объясненію подсудимаго Желябова, данному здѣсь на судѣ, существовала между членами рабочаго движенія, какъ видоваго учрежденія, и агитаціонною партіею социально-революціоннаго общества, въ которой принадлежали онъ, Желябовъ, и всѣ остальные обвиняемые, можетъ ли представляться фактъ знакомства Михайлова съ Желябовымъ и другими обвиняемыми какою-либо уликою противъ Михайлова въ такомъ преступленіи какъ кареубійство, бывшее дѣломъ одной только агитаціонной партіи? Не думаю.

Этимъ же отношеніемъ рабочаго движенія къ центральной агитаціонной партіи, которая по объ-

ясненію Желябова, не переставала слѣдить и руководить рабочимъ движеніемъ, объясняется посѣщеніе Михайловымъ своихъ руководителей на ихъ квартирахъ, на одной изъ которыхъ онъ и былъ задержанъ 3-го марта. Справедливость сказаннаго нами относительно личности обвиняемаго и той роли, какую онъ игралъ въ обществѣ дѣлѣ агитаціонной партіи, подтверждается не только актами дознанія, но и тѣмъ вполнѣ изолированнымъ положеніемъ, какое онъ занимаетъ на судѣ въ кругу остальныхъ обвиняемыхъ. И въ самомъ дѣлѣ обвиненіе Михайлова въ знаніи, а также и въ участіи въ приготовительныхъ дѣйствіяхъ для покушенія на жизнь Священной Особы Государя Императора тогда имѣло бы мѣсто, если бы хотя однимъ свидѣтельскимъ показаніемъ, выслушаннымъ нами здѣсь на судѣ, или хотя однимъ вещественнымъ доказательствомъ, найденнымъ у него при обыскѣ, можно было бы установить тотъ фактъ, что подсудимый принималъ если не прямое, то косвенное участіе въ означенномъ преступленіи. Затѣмъ, какое же еще другое обстоятельство, выставлено прокурорскою властью въ подтвержденіе того, что подсудимый Михайловъ принималъ участіе въ приготовительныхъ дѣйствіяхъ къ преступленію, совершенному 1-го марта? Такимъ доказательствомъ оказывается оговоръ подсудимаго Рысакова.

Не говоря уже о томъ, что оговоръ однимъ изъ подсудимыхъ доугаго представляетъ собою самое несовершенно доказательство виновности и едва ли можетъ быть принятъ во вниманіе судомъ, если онъ не подтверждается другими данными слѣдственнаго производства, тѣмъ болѣе при обвиненіи въ такомъ преступленіи, которымъ челоукъ поставленъ между жизнью и смертію. Но если даже разсматривать показаніе Рысакова безотносительно, то и тогда, по смыслу своему, оно представляется болѣе гадательнымъ, нежели положительнымъ. Такъ, напримѣръ, упоминая о томъ или другомъ изъ приготовительныхъ дѣйствій къ совершенію извѣстнаго преступленія, относительно участія Михайлова онъ выражается словами: „кажется былъ и Тимофей Михайловъ“, или „кажется былъ Тимофей Михайловъ, если онъ того не отрицаетъ“. Вотъ почему при оцѣнкѣ подобнаго показанія представляется необходимымъ сопоставить его и съ показаніями другихъ подсудимыхъ, которыя заслуживаютъ, по мнѣнію моему, безусловнаго довѣрія, вслѣдствіе отсутствія у нихъ какого-либо интереса извращать факты, относящіеся къ подсудимому Михайлову. Но есть еще одно соображеніе, есть еще болѣе положительное доказательство виновности Михайлова въ преступленіи 1-го марта, на которое я прошу особое присутствіе правительствующаго сената обратить свое вниманіе. Въ то время, когда производились обыски въ различныхъ квартирахъ, въ которыхъ проживали обвиняемые, почти у всѣхъ, какъ это видно изъ актовъ дознанія, найдены были тѣ или другія вещественныя доказательства, обнаружившія приготовленія къ совершенію настоящаго преступленія; между тѣмъ, при обыскѣ въ квартирѣ Михайлова, актъ котораго находится въ слѣдственномъ производствѣ не обнаружено никакихъ доказательствъ виновности обвиняемаго въ томъ же преступленіи. Идемъ далѣе. На одна изъ комнатъ тѣхъ квартиръ, въ которыхъ проживали прикованные къ преступленію лица, не признававшая Михайловъ сходства съ тѣми, которые посѣщали ихъ жильцовъ. Таковы тѣ немногіе доводы и соображенія, которые защита подсудимаго Михайлова признала необходимыми представить на усмотрѣніе особаго присутствія правительствующаго сената, для доказательства исключительной виновности обвиняемаго только въ такихъ преступныхъ дѣйствіяхъ, въ совершеніи которыхъ онъ сознался и которыя соотвѣтствуютъ 2-му отд. ст. 250 и ст. 1, 459 Улож. о наказ.

Первоприс. Это уже вы касаетесь вопроса, о на казаніи, о которомъ въ настоящее время не можетъ быть еще рѣчи, такъ какъ вопросъ разбирается еще по существу.

Продолженіе будетъ.

Довѣ. цензур. 10-го июня 1881 года.

Печат. въ Кур. губернской типографіи.

Редакторъ В. Перцевъ.